

ТИТАН ДИРИЖЕРСКОГО ИСКУССТВА

НО НЕДОЛОГ СРОК НА ЗЕМЛЕ ПЕВЦУ...

После композитора остаются его сочинения, после поэта — его стихи, после писателя — его книги, после журналиста — его статьи, после художника — его картины, после скульптора — его изваяния, после архитектора — его проекты и здания, после кинорежиссера — его фильмы. И только после музыкантов-исполнителей изредка остаются так называемые исполнительские традиции, а также записи, в недалеком будущем безнадежно устаревающие, да рассказы современников, перерастающие иногда в легенды, а чаще всего — в курьезные анекдоты...

Но вот у меня в руках вышедшая в издательстве «Советский композитор» книга «Н. С. Голованов». Наконец-то появился первый сборник, долженствующий воссоздать творческий и человеческий облик крупнейшего дирижера нашей эпохи, со дня смерти которого прошло уже тридцать лет. Ловлю себя на слове: пишу «дирижера», хотя Голованов был также и композитором, и пианистом, и педагогом. И как знать, если бы он не посвятил львиную долю своей жизни дирижированию, то мы, наверное, считали бы теперь его одним из выдающихся композиторов нашего времени... Ведь понадобилось же почти полвека для того, чтобы Рахманинов был признан наконец гениальным в своем «триединстве». А сколько раз в его адрес раздавались реплики, содержание которых сводилось к тому, что он является величайшим пианистом, попутно сочиняющим музыку, отнюдь не самостоятельную, а навеянную влиянием Чайковского, да изредка вставившим за дирижерский пульт... Более того, было время, когда музыка Рахманинова (а заодно и Чайковского) объявлялась представителями доморожденных, «выколупившихся» из яиц весьма несвежего свойства организаций (АСМ, РАИМ) несозвучной нашей советской эпохе и предавалась анафеме.

Все это было. И вспоминать об этом, может быть, и не следовало, если бы все это не имело самого прямого отношения к деятельности Николая Семеновича Голованова, музыканта чрезвычайно разностороннего, пронесшего сквозь всякие «препоны и рогатики» свое величайшее преклонение перед немеркнущими традициями классической музыки и в первую очередь музыки русской и советской. Об этом обо всем очень ярко и убедительно сказано в рецензируемой книге. Я сказал «рецензируемой». Но мне, вообще говоря, хотелось бы поделиться теми мыслями и чувствами, возникшими от прочтения этой книги, которые вовсе не будут «укладываться» в жанр рецензии. И за это я прошу прощения у читателей этих строк.

Сразу оговоримся. Книга посвящена исключительно дирижерской деятельности Голованова. О Голованове-композиторе в ней лишь упоминается вскользь и, как говорится, «по ходу дела». Это, конечно, досадно, ибо им создано немало талантливых произведений в разных жанрах, весьма обогативших советское музыкальное творчество и достойных специального разговора и пристального к ним внимания. Но нельзя судить о том, чего в книге нет. Остается тешить себя надеждой на то, что когда-нибудь, может, появятся специальные исследования, посвященные Голованову-композитору. Остается также надеяться и на то, что музыканты-исполнители как-нибудь заинтересуются произведениями Голованова и включат их в свои программы. Эти два момента тесно связаны друг с другом, и можно смело сказать: вытекают один из другого... Теперь о книге.

Издана хорошо. С большим вкусом оформлена и составлена с любовью и профессионализмом. Как долго все мы ее ждали! И ожидания наши ныне во многом удовлетворены. Бесспорно, самое интересное в ней — это литературное наследие самого Н. С. Голованова. Оно, быть может, не очень велико по объему, но зато настолько весомо, возбуждает такой исключительный интерес, что стоит, пожалуй, многих и многих увесистых томов никому не нужных писаний. Это в первую очередь «Опыт автобиографии», а также немногочисленные статьи, такие, как

«Заметки дирижера», «Драма и опера», «За советскую оперу», «Главное — качество спектакля». Во всех этих материалах, большинство из которых публикуется впервые, поражает их предельный лаконизм, граничащий с афористичностью высказывания. Скупыми, невероятно точно найденными словами автор повествует о чрезвычайно важных проблемах оперного театра в его многосоставной сложности, о закономерности этапов его развития на новом современном уровне, о «пресловутой» роли дирижера в процессе создания оперного спектакля, о которой сплошь и рядом все еще нет-нет да раздаются «кулуарные» споры и дискуссии. Подобно А. Пазовскому Голованов «горой стоит» за примат музыки в музыкальном театре. Все остальное, безусловно, по его мнению, должно быть подчинено ей и только ей! В «Заметках дирижера» поражает классически стройная концепция становления дири-

Евгений СВЕТЛАНОВ, народный артист СССР, лауреат Ленинской премии

жерской профессии как таковой и тех требований, которые предъявляются, точнее, должны предъявляться к людям, решившим посвятить себя этому многотрудному и многострадальному делу.

В статье «Драма и опера» автор призывает композиторов вторгаться в современную действительность, не дожидаясь ретроспективной дистанции, якобы необходимой для создания оперных произведений на темы наших дней. Еще более важным представляется мысль автора, точнее, его эстетическое кредо, выраженное со свойственной Голованову ясностью: «Мы за романтику, но за идейное, реалистическое содержание либретто. Революционная романтика наших дней есть составная часть социалистического реализма. Противопоставлять романтику реализму — значит отказать от социалистического реализма в оперном искусстве». Такой постановки вопроса, честно говоря, мне не приходилось встречать ранее. И потому она приобретает в наше время особую актуальность и злободневность.

В статье «Драма и опера» автор подчеркивает, что часто современные режиссеры, пришедшие в оперный театр, забывают, что «оперное произведение, даже если оно написано на основе первоклассного литературного материала, является абсолютно самостоятельным произведением музыкально-драматического искусства». В подтверждение сказанного Голованов продолжает: «...я хочу сформулировать мою принципиальную установку (о взаимоотношении либретто и партитуры). Работники оперы считают, и совершенно справедливо, что в «Кармен» следует воплотить в первую очередь не новеллу Мериме, но оперу Бизе, в «Пиковой даме» — партитуру Чайковского, а не текст Пушкина, в «Снегурочке» — Римского-Корсакова, а не Островского. И тогда-то с оперной сцены зазвучит настоящему не некая «реалистическая» вальсера, а наряду с композитором и через его музыку подлинный дух Пушкина, Островского, Мериме. Там, где слово и жест бессильны, выступает музыка как богатейшее и тончайшее средство выражения человеческих мыслей и человеческих чувств».

Как это все не вяжется с недавним заявлением одного деятеля музыкального театра, который во всеулышание заявил о том, что, видите ли, Чайковский обеднил де образ Евгения Онегина, который у Пушкина (!) чуть ли не был связан... с декабристским движением... Уроки истории блистательно подтверждают тезис Голованова. Достаточно вспомнить, что даже такой режиссер, как В. Мейерхольд, потерпевший полнейшее фиаско в постановке «Пиковой дамы», стремясь всеми силами «дотянуть» Чайковского до Пушкина. Подобных примеров можно привести великое множество, да нужно ли?

Чрезвычайно интересны «Страницы воспоминаний» Голованова о выдающихся деятелях отечественного вокального искусства, художниках, режиссерах, композиторах. В них подчеркивается самое характерное, самое существенное в творческом облике каждого, о ком пишет автор. С этих страниц как бы нисходят живые люди с яркими, неповторимыми индивидуальностями. Среди них С. Рахманинов, Ф. Шаляпин, Л. Собинов,

А. Нежданова, Н. Обухова, Н. Мясковский... Раздел «Переписка», содержащий впервые публикуемые избранные письма Голованова и к нему, воссоздает достоверную историческую атмосферу первых советских десятилетий музыкальной жизни нашей страны и потому захватывает своей подлинностью, возбуждает исключительный интерес правдивой естественностью и, главное, обилием уникальных фактов непреходящей эстетической ценности. Круг корреспондентов обнаруживает огромный «ипласт» во взаимоотношениях Голованова с окружающими его интереснейшими людьми того времени, многие из которых составляют славу и гордость отечественной культуры. Достаточно назвать имена С. Рахманинова, Н. Мясковского, С. Прокофьева, Д. Шостаковича, К. Станиславского, В. Шеннировича-Данченко, А. Свешникова, П. Кончаловского, М. Максаковой.

Особо хочется сказать о переписке Голованова и Неждановой. Трудно найти слова, чтобы передать ту трогательность, чуткость, внимательность, с которой обращались друг к другу эти два громадных музыканта. Их человеческие и творческие отношения являют собой удивительный пример, достойный как восхищения, так и безусловного преклонения.

Последний раздел книги содержит воспоминания о Голованове его современников, людей разных профессий, конечно, в основном музыкантов. И хотя подбор авторов воспоминаний носит несколько случайный произвольный характер и, разумеется, он далеко не полон (их могло бы быть гораздо больше!), тем не менее каждый, кто пишет о Голованове, посылно вносит свою лепту в создание некоего общего «живого» портрета выдающегося музыканта. Из всего сказанного явствует, что это был подлинный титан дирижерского искусства, развивший и продолживший блестящие традиции русской дирижерской школы в лице Балакирева, братьев Рубинштейн, Рахманинова, Сафонова, Направника, Сука.

Становится видно, что Николай Семенович Голованов был художником-патриотом, художником-гражданином своей великой Родины, художником-просветителем, художником-первооткрывателем. Достаточно в качестве одного из примеров вспомнить о том, что он был «зачинателем» советского музыкального радио вещания. Во многом и сегодня наше радио живет традициями Голованова, успешно претворяя его заветы в своей практической деятельности буквально ежедневно.

А роль Голованова во время Великой Отечественной войны! Кто, как не он, первый организовал концерты для воинов Советской Армии, многочисленные концерты, в которых выступали корифеи советской музыки; наконец, концерты, сборы с которых были переданы в фонд обороны страны? И так далее, и тому подобное.

Нет нужды пересказывать содержание вышедшего сборника, лучше немедленно его приобрести и прочитать каждому, кто не безразличен к судьбе нашего музыкально-театрального искусства. А таких, я уверен, найдется много, очень много. По крайней мере гораздо более десяти тысяч (тираж книги). Таким образом, уже сейчас можно с уверенностью сказать, что тираж этой книги явно мал, и совершенно ясно, что повторное издание, с моей точки зрения, — дело предпринятое.

Из повествования явствует, что жизненный путь Голованова далеко не был усыян розами (чего он искренно желал многим в своих посланиях).

Но теперь, как никогда, ясно, что подобно тому, как Ломоносова нельзя отделить от академии, Балакирева — от Бесплатной музыкальной школы, Римского-Корсакова — от Петербургской, а Чайковского — от Московской консерватории, так и Голованова нельзя отделить от Большого театра. Большой театр и Голованов — понятия навеки неразрывные. Сделанное Головановым для советского искусства — поистине неопценно и непреходяще.

С величайшим волнением закрывая прочитанную книгу, всколыхнувшую в моей душе самые лучшие, благороднейшие чувства, я невольно подумал о том, как не хватало нам сегодня Голованова! Уж кто-то, а он наверняка привел нас в порядок весьма «подраспатавываясь» в последнее время наше музыкальное хозяйство...

* Москва. Всесоюзное издательство «Советский композитор», 1982. Сборник статей и воспоминаний. Составители Е. Грошева и В. Руденко.